

© 1998 г.

А.В. ЦИММЕРЛИНГ

ДРЕВНЕИСЛАНДСКИЕ ПРЕДИКАТИВЫ И ГИПОТЕЗА О КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

В настоящей работе впервые описывается разряд предикатных слов древнеисландского языка, типологически близких к так называемым словам категории состояния в русском языке. Поскольку данная параллель ранее никогда не обсуждалась ни германистами, ни славистами, представляется полезным рассмотреть ход дискуссии о словах категории состояния в русистике и оценить аргументы сторон в свете новых фактов¹.

Около 70 лет назад Л.В. Щерба в своей знаменитой работе "О частях речи в русском языке" выдвинул гипотезу о том, что неизменяемые именные предикаты получают в русском языке статус особой части речи, названной им "категорией состояния" (далее – КС) [Щерба 1974: 90]. При этом Щерба исходил из того, что слова КС выражают в присвяточной позиции иное значение, нежели полные формы прилагательных и существительных в имен.п., и приводил тройки типа *он веселится* (действие) / *он веселый* (качество) / *ему весело* (состояние). Это дает основание считать его работу первым опытом семантической классификации предикатов в русской лингвистике [ср. Селиверстова 1982: 88].

Работа Л.В. Щербы носила полемический характер и была направлена против традиционной морфологической классификации частей речи. Неудивительно, что гипотеза о КС вызвала неоднозначную реакцию русистов. Часть лингвистов и научных школ отнеслась к ней с воодушевлением, у других она вызвала резкое неприятие. Полемика велась большей частью заочно, порой выплескиваясь на страницы периодических изданий, как в 1954–1955 гг. см. (материалы дискуссии о частях речи 28–30 июня 1954 г. [Гаджиева, Иванчикова 1955]); её логическим продолжением явились публикации А.Б. Шапиро, Н.С. Поспелова и А.В. Исаченко на страницах журнала "Вопросы языкознания" (далее – ВЯ) [Шапиро 1955; Поспелов 1955; Исаченко 1955]. Дискуссия выявила не только возможность альтернативных подходов, но и неоднородность самого объекта изучения, лежащего на пересечении словообразования, синтаксиса и лексической семантики.

Сам Л.В. Щерба и принявший его концепцию В.В. Виноградов считали КС новой частью речи [Щерба 1974: 90; Виноградов 1947: 421]. Вместе с тем они признавали ее синтаксические истоки и подчеркивали относительно открытый характер. В их интерпретации КС является чем-то вроде функционально-семантического поля, ядро которого образуют формы типа *надо*, *жаль*, а периферию – словоформы, принадлежащие парадигмам склонения – творительный предикативный (*он держался молодцом*) и краткие прилагательные (*он был доволен*), ср. также [Гард 1985: 213; Исаченко 1955: 63–64].

Критики Л.В. Щербы доказывали, что отсутствие согласования не является самостоятельным морфологическим признаком, и что части речи необходимо определять на основе их первичных синтаксических функций; предикативное же употребление есть

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда "Культурная инициатива", грант CEU 17494. Автор выражает благодарность О.А. Смирницкой, Г.Е. Крейдлину, Йоуну Фрийдунссону, Халльдору Аурману Сигурдссону и Хансу Роберту Мелигу, взявшим на себя труд ознакомиться с фрагментами данного исследования и сделавшим автору ценные замечания.

вторичная функция, присущая в русском языке всем частям речи, кроме личного глагола [Шапиро 1955: 49], ср. также [Апресян 1985: 305]. Крайнюю позицию занял А.Б. Шапиро, который на страницах журнала ВЯ утверждал, что учение Л.В. Щербы ложно потому, что оно смешивает понятия члена предложения и части речи [Шапиро 1955: 52], традиционная морфологическая классификация адекватно отражает положение продуктивных классов слов в русском языке; для КС или "предикативных наречий" в ней нет места [там же: 53]; изолированные формы типа *жаль, надо* не следует подводить под определенную часть речи вообще, они остаются вне категорий [там же: 54]; здесь А.Б. Шапиро обратил против Л.В. Щербы собственный аргумент последнего – ср. [Щерба 1974: 91].

С А.Б. Шапиро полемизировали Н.С. Поспелов и А.В. Исаченко. По их мнению, нарушение соответствия между морфологическим типом и первичными функциями слова в предложении является специфической чертой грамматического строя: элементы именного происхождения, специализируясь в функции сказуемого, якобы приобретают в русском языке глагольные категории (время, лицо, наклонение) [Виноградов 1947: 407; Исаченко 1955: 61; Поспелов 1955: 57]. Вслед за В.В. Виноградовым Н.С. Поспелов и А.В. Исаченко интерпретируют формы КС как аналитические слова, возникающие в результате сокращения именного предиката с формой служебного глагола "быть" [Виноградов 1947: 415; Исаченко 1955: 62; Поспелов 1955: 57]. По их утверждению, становление КС непосредственно связано с расщеплением глагола "быть" на полнозначное и служебное слова и, соответственно, с размежеванием глагольного и связочного предложений. А.В. Исаченко оценивает подобный процесс как инновацию, осуществившуюся в ходе индивидуальной истории русского языка и составляющую его типологическое своеобразие [Исаченко 1955: 62, 65].

Обращение к соображениям типологии, как не преминули отметить оппоненты Щербы [Шапиро 1955: 53], свидетельствует о слабости аргументов в пользу выделения КС на синхронном уровне. Вместе с тем, полемическая установка на отрицание всякой грамматической общности у слов, подводимых под КС, тоже сопряжена с упрощением фактов. Застывшие падежные формы типа *жаль, пора*, как справедливо подчеркнул Н.С. Поспелов, участвуют в тех же безличных конструкциях, устойчивое воспроизводство которых обусловлено продуктивным разрядом на *-о*: *мне жаль ~ мне жалко* [Поспелов 1955: 64]. Тем самым Н.С. Поспелов парирует еще один упрек А.Б. Шапиро – в том, что "известная близость" значений ряда аналитических сказуемых является фактом словаря, а не грамматики [Шапиро 1955: 53]. Значение "состояния" диктуется семантикой безличной конструкции, а воспроизводство последней обусловлено проективной группой слов. Что касается производных форм на *-о*, то их синтаксическое поведение (в том числе способность выступать в роли безличного сказуемого) регулируется в русском языке рядом формальных и семантических ограничений. Любопытно, что этого не отрицал и А.Б. Шапиро, указавший, что предикативные формы на *-о* коррелируют с парадигмами кратких прилагательных, в отличие от наречий образа действия: *мне смешно / смешон, смешн-а, смешн-о, смешн-ы; *мне медленно, *мне часто: *медленен, *частен* [Шапиро 1955: 53]. Достаточно очевидно также, что в русском языке безличный предикатив можно образовать не от всякой основы качественного прилагательного, ср. **мне упитанно, *мне алогично, *мне жестоко*, что делает поиски семантического инварианта вполне законной лингвистической задачей.

Высказанные замечания ни в коей мере не реабилитируют концепцию КС как части речи. Дополнительные доводы в пользу обратного, которые приводят Н.С. Поспелов и А.В. Исаченко, это ощущение только усиливают. Н.С. Поспелов ограничивает КС безлично-предикативными формами. Но тогда становится ясным, что особая часть речи постулируется лишь для того, чтобы оправдать значение синтаксической позиции. Сообразно своей концепции Н.С. Поспелов вынужден считать даже предикативные формы на *-о* разными словами, когда они выступают в личном и в безличном

предложения: 1) *мне скучно, интересно*, 2) *Мне интересно, что Р*, где придаточное, по его мнению, играет роль подлежащего [Поспелов 1955: 62, 64]: первое *интересно* – КС, второе – обычное краткое прилагательное. Даже если Н.С. Поспелов прав, проведенное им различие носит формально-синтаксический характер и вряд ли может быть подкреплено семантически, чего требует выделение особой части речи.

В свою очередь, А.В. Исаченко, включая в состав КС разнородные несогласуемые предикаты, реализующиеся в личном предложении (краткие прилагательные типа *рад*, *горазд* и т.д.), согласен считать КС, в его терминологии – "предикативом"², вообще любой элемент, форма которого обусловлена предикативной функцией [Исаченко, 1955: 64]. Но в этом случае ясно, что он определяет категориальную принадлежность слова к части речи для каждой словоформы отдельно. Если бы А.В. Исаченко был последователен, он должен был бы считать формы *рад*, *рада* разными словами, на равных основаниях подводимыми под КС, но вместо этого он объявляет формы согласования "пережитками" прежних категорий.

Расхождения Н.С. Поспелова с А.В. Исаченко вызваны тем, что они разрабатывают разные аспекты гипотезы Щербы, первый – семантический, второй – функциональный. Примечательно, тем не менее, что логика рассуждений приводит Н.С. Поспелова к чисто синтаксическому критерию, а А.В. Исаченко, исходящий из примата синтаксической функции, вынужден обосновывать процесс расщепления на омонимы появлением у "предикативов" новых значений, дабы объяснить вовлечение отдельных словоформ полных прилагательных и существительных в сферу "предикатива": *на правду черт, не молоденький сердце трепать* [Исаченко 1955: 63].

Гипотеза Щербы обсуждалась также в ряде работ по лексической и синтаксической семантике, ср. [Золотова 1982; Гард 1985; Булыгина 1982; Селиверстова 1982]. Исследования последних десятилетий выявили неоднородность форм, подводимых сторонниками Щербы под общий предикатный тип [Булыгина 1982: 30–33; Селиверстова 1982: 131; Золотова 1982: 279–280]. В то же время ядро этих форм – предикативы с финалью *-о*, в основном принадлежит типу, описанному под рубрикой "состояния" (states) З. Вендлером, Дж. Лайонзом, У. Чейфом и Б. Комри [Vendler 1967: 99, 103; Comrie 1976: 49; Lyons 1977: 483]. По мнению О.Н. Селиверстовой, значение "состояния", определенное Л.В. Щербой интуитивно, подтверждается тестами на сочетаемость – как известно, данный метод также был впервые предложен Л.В. Щербой под названием "лингвистического эксперимента" [Щерба 1974: 31–33].

В 1980-е гг. с критикой концепции КС выступил Ю.Д. Апресян, который показал, что многие аргументы последователей Л.В. Щербы не только недостаточны для постулирования особой части речи, но и логически противоречивы. По мнению Ю.Д. Апресяна, тезис об обретении русскими предикативами категорий лица, времени, вида и глагольной сочетаемости не имеет почвы [Апресян 1985: 306]. Семантические различия между предикативами и наречиями не выходят за рамки регулярной многозначности и не создают омонимии [Апресян 1985: 307]; коррелятивные формы на *-о* в парах типа *Ему было весело / он весело шел к дому*, по мнению автора, являются

² Термин "предикатив" принадлежит европейской грамматической традиции: из русистов его используют, помимо А.В. Исаченко, также А.А. Зализняк и П. Гард [Гард 1985: 211]. Спор о правильном названии форм, подводимых сторонниками Л.В. Щербы под КС, – "предикативные наречия" vs "краткие прилагательные" имеет концептуальную основу – ср. полемику В.В. Виноградова с А.А. Шахматовым [Виноградов 1947: 414] и А.М. Пешковским [Виноградов 1947: 407–412], также [Георгиева 1969: 81, 87; Ходова 1980: 271; Zatorčáňuk 1965: 26] – однако его подробное обсуждение увело бы в сторону от темы нашей статьи.

Термин "предикатив" имеет то преимущество, что он менее отягощен филологическими разногласиями. Мы будем использовать его в настоящей статье в качестве рабочего обозначения неизменяемых слов, употребление которых ограничено функцией именного члена составного сказуемого. Отдельные расхождения в трактовке термина "предикатив" между славистикой и германистикой будут оговорены ниже.

двумя реализациями одной и той же лексемы [Апресян 1985: 305]. Проблемы семантического описания предикативных форм могут быть решены без обращения к гипотезе о КС: у этой гипотетической части речи нет не только общего формального признака³, но и ни одного канонического представителя [Апресян 1985: 307].

Материал русского языка побуждает высказать еще два соображения в развитие критики Ю.Д. Апресяна.

1) Неадекватные утверждения последователей Щербы о том, что формы КС якобы приобретают в русском языке глагольные категории, служат ширмой для идеи о том, что глагольные предикаты и формы КС обладают общим предикатным признаком, который в работах последних лет принято называть значением "локализованности денотативной ситуации во времени" [Селиверстова 1982: 97, 121]. Любая иная интерпретация несовместима с исходной гипотезой о семантической оппозиции глагольных предикатов "действия" неглагольных предикатам "состояния", составляющей наиболее ценный аспект концепции Щербы⁴.

2) Странники гипотезы о КС напрасно сделали упор на семантические сдвиги, отделяющие слова КС от однокоренных прилагательных и наречий. Очевидно, что случаи типа *жирный творог: жирно ему ехать в командировку* составляют абсолютное меньшинство от общего числа примеров образования безличных предикативов на *-о*. Семантическим различиям между предикативами и наречиями образа действия обе стороны в полемике придавали едва ли не решающее значение при оценке однородности КС в плане содержания, ср., с одной стороны [Грамматика 1980: 705⁵; Золотова 1982: 278], с другой – [Апресян 1985: 305]. Представляется, что вопрос о наличии у предикативов на *-о* инвариантного значения должен ставиться прежде всего в связи с лексико-семантическими ограничениями на их образование, для чего необходимо изучать соотношение основ кратких прилагательных и безличных трансформаций с предикативом на *-о*; напротив, проблема тождества словарного значения присвязочных и приглагольных форм на *-о* в парах типа *ему было весело / он весело шел к дому*, равно как и само наличие у предикативов парных наречий образа действия⁶, не имеют к данному вопросу прямого отношения.

Как это ни странно, полное семантическое описание русских предикативов отсутствует по сей день; недавно вышедший словарь [Красных 1993] неполон и носит скорее прикладной, нежели теоретический характер. Для определения словообразовательной специфики форм на *-о* существенно, с одной стороны, соотношение дескриптивного и оценочного компонентов в их семантике⁷, с другой – наличие трансформаций, соединяющих реализации предикативов с другими конструкциями с инактивным

³ На данное обстоятельство обращали внимание все критики Щербы, ср. [Шапиро 1955: 52].

⁴ Уместно сделать оговорку, что гипотеза Щербы лишь предсказывает наличие пар типа *X грустно/X-у грустно*, для которых указанное соотношение сохраняет силу, но не побуждает а priori объявлять любой глагол предикатом "действия", и vice versa любой предикат состояния формой КС. Авторитетная научная традиция, берущая начало в работах Э. Вендлера, описывает многие глагольные значения как "статальные", ср. [Падучева 1996: 107]. Нередко утверждают также, что значение состояния присуще отдельным существительным [Апресян 1985: 306]. Проверка подобных положений требует уточнения таксономических признаков предикатов состояния на материале языков разного типа, что выходит за рамки нашего исследования.

⁵ Автором данного раздела Грамматики 1980 является В.А. Плотникова.

⁶ Ср. дефектные пары *Он стыдливо (*стыдно) потупился; ему стало стыдно (*стыдливо)*, где именная основа специализируется в приглагольной и в присвязочной позициях разным набором морфем [Апресян 1987: 50], либо субморфем (местом ударения) как в примерах типа *вольнó ему фороыбачить vs он ведет себя слишком вольно* [Пешковский 1938: 328]. Уже А.М. Пешковскому, у которого мы заимствовали последний пример, было ясно, что подобная стратегия носит маргинальный характер и не распространяется на большое число лексем [Пешковский 1938: 159–160].

⁷ Важные идеи в этом направлении содержатся в трудах Г.А. Золотовой и Н.Д. Арутюновой [Золотова 1982: 276; Арутюнова 1988: 190, 193, 223–224, 253].

субъектом⁸. Семантический аппарат описания форм на *-o* предлагается в наших работах [Циммерлинг 1996; 1997].

Попытки обнаружить КС в других языках⁹ вызвали значительно меньше споров. Высказывалось мнение, что численный состав слов, подводимых под КС, резко возрос за последние 150–200 лет [Zatovkaňuk 1997: 90]. В то же время, обращение к древнейшим славянским памятникам позволило выявить компактный разряд именных форм (35–40 слов), полностью или частично специализированных в функции сказуемого [Исаченко 1955: 57–62; Ходова 1980: 238]. Морфологическое описание старославянских предикативов содержится в статье В.Л. Георгиевой, а семантическое – в книге К.И. Ходовой [Георгиева 1969: 81–88; Ходова 1980: 240–254]; данные древнерусского языка обсуждаются в упомянутой выше работе А.В. Исаченко. Все эти авторы делают оговорку, что в данных языках КС еще не сложилась, несклоняемые именные предикаты с качественным значением лишены общего формального признака, а их реализации не выделяются на фоне стандартных связочных конструкций с прилагательными и причастиями. Неизменяемые предикативы строятся по нескольким продуктивным типам; вместе с тем, ни в какую эпоху не обнаруживается морфологического разряда, целиком специализированного на производстве предикативных форм. Так, В.Л. Георгиева отмечает, что в старославянском многие слова, специализированные в функции сказуемого, принадлежат к разряду с финалью *-o* [Георгиева 1969: 82], а наречия строятся в основном при помощи суффикса *-ѣ*, однако имеются как предикативы на *-ѣ*, так и, напротив, наречия на *-o* [Георгиева 1969: 86]. Большинство старославянских предикативов тяготеет к безличному предложению, однако отмечено и их употребление в двусоставном предложении [Ходова 1980: 274].

И сторонники, и противники КС были убеждены, что обособление ряда словоформ в функции сказуемого – особенность русской, в крайнем случае – славянской морфологии, а А.В. Исаченко прямо связал становление группировки “предикативов” с развитием бессвязочного предложения [Исаченко 1955: 62, 65]. Правда, Б.А. Ильиш [Ильиш 1948; 1951] распространил концепцию Л.В. Щербы на современный английский и немецкий языки; однако здесь у предикативных слов меньше, нежели в русском языке; формальных признаков, отличающих их от субстантивных и адъективных словоформ в составе именного сказуемого. К тому же перспектива обосновать общность значения для приводимых Б.А. Ильишом высказываний типа англ. *I am afraid* “я испуган”, *I am cold* “мне холодно” или нем. *mir ist schwül* “мне душно”, *er ist auf dem Wege* “он на подходе”, выглядит довольно туманной¹⁰. Тем более важно указать на факты истории скандинавских языков, которые позволяют не только констатировать близкую параллель к славянскому материалу, но даже проследить этапы ста-

⁸ Среди последних заслуживают особого внимания конструкция с безличным глаголом и семантическим субъектом в дат./вин.п., возвратная конструкция и конструкция с посессивным расширителем *у +* род.п. (тип *у меня есть подозрение*). Как известно, существуют ограничения на образование производных слов с аффиктивной семантикой, формирующих данные структуры. Ср.:

$N_{\text{dat}} - \text{Pred}_o$ $V_{\text{imp}} - N_{\text{acc/dal}}$ $(N_{\text{nom}} - V_{\text{ref}})$

**мне гневно: меня трясет от гнева: я весь трясусь от гнева*

**мне злобно: меня раздрает от злости: я злось*

мне любопытно: меня раздрает любопытство / от любопытства

Дистрибуция моделей $N_{\text{dat}} - \text{Pred}_o$ и $V_{\text{imp}} - N_{\text{acc/dal}}$ в литературном русском языке указывает на семантический запрет: не дают трансформы с безличным предикативом прилагательные, обозначающие активные свойства субъекта: **мне бешено, злобно, буйно, гневно* и т.д. В этом случае избирается глагольная модель: *меня бесит, злит, раздражает, что Р*. Другие синтаксические тесты обсуждаются в нашей работе [Циммерлинг 1996], где приводится классификация русских предикативов с финалью *-o*

⁹ Почти все работы в этом направлении принадлежат отечественным лингвистам; среди немногих исключений ср. [Zatovkaňuk 1965; Mirovic 1974].

¹⁰ Показательно, что к введению КС в описание германских языков скептически отнеслись такие видные ученые, как А.И. Смирницкий и М.И. Стеблин-Каменский [Смирницкий 1959: 83; Стеблин-Каменский 1954: 157], в других случаях нередко выступавшие как оппоненты.

новления разряда слов, близкого к выделенному Л.В. Щербой классу. Как ни удивительно, данные факты вообще не попали в поле зрения отечественных и зарубежных германистов.

Описания древнескандинавского синтаксиса опираются, в основном на материал западноскандинавских диалектов, в первую очередь, на материал древнеисландского языка. Древнеисландский считается консервативным диалектом, почти не испытывавшим инноваций в сфере морфологии и синтаксиса [Haugen 1984: 256]. Хотя такая оценка представляется преувеличенной, интерес к древнеисландскому синтаксису вполне оправдан ввиду обилия памятников оригинального жанра, дающих богатую картину языкового узуса.

Материалом нашего исследования послужили тексты древнеисландских саг, записанных в XIII–XV вв. Язык саг издавна привлекает внимание специалистов по историческому синтаксису, так как сага сложилась как нарративный жанр еще в дописьменную эпоху и в той или иной мере сохраняет черты устного рассказа [Стеблин-Каменский 1984: 45, 51].

Древнеисландский является флективным языком с развитой системой согласовательной морфологии. В системе имени и местоимения различаются три рода и четыре падежа – имен., род., дат., вин.; в парадигмах имени и глагола различается ед. и мн.ч., у личных местоимений имеется также двойственное число. Глагольные окончания передают граммы лица, числа, времени и наклонения. Имеются две серии прилагательных – т.н. сильные (предикативные) и т.н. слабые, используемые в атрибутивной функции и обычно употребляющиеся вместе с определенным артиклем; большинство прилагательных может иметь окончания обеих серий. Производные качественные наречия строятся как при помощи суффиксации, так и на основе застывших форм косвенных падежей; весьма продуктивным является использование формы имен.-вин. п. ср.р. сильных прилагательных в качестве наречного модификатора глагола. Как и в других германских языках, в древнеисландском нет специального предикативного падежа: именной компонент составного сказуемого может стоять во всех четырех падежах – выбор падежа определяется синтаксической конструкцией и валентными свойствами глагола.

Большую роль играют аналитические конструкции с неличными формами глагола – перфект с глаголом *hafa* “иметь”, пассив с согласуемым причастием прош. вр. и т.д., а также аналитические сочетания с инфинитивом и супином¹¹, выражающие модальные и аспектуальные значения. В связи с этим можно выделять несколько полузнаменательных глаголов (связок) с различной степенью грамматикализации¹². Широко распространены безличные высказывания, которые строятся по разным типам. Согласование может нарушаться как в безличной, так и в двусоставной конструкции, ср. *Skarphedinn var vel til Atla* (ÍF XII, 96), букв. “С. был хорошо к Атлу”, *eigi ertu ok föðurliga við hann*, букв. “не есть ты по-отечески к нему” [Heusler 1913: 145]. Связочные конструкции с нарушением согласования отличаются высокой продуктивностью;

¹¹ Термин “супин”, заимствованный из классической филологии, имеет неоднозначное применение в грамматиках новых европейских языков. В соответствии с терминологическим уточнением, предложенным в работах М.М. Гухман и О.А. Смирницкой [Смирницкая 1977: 42] мы называем “супином” в древних германских языках несогласуемую форму причастия прош. вр., независимо от парадигматического статуса сочетаний, где она представлена. В шведской грамматической традиции супином принято называть компонент аналитической формы перфекта. В исторической грамматике славянских языков термин “супин”, как известно, применяется для обозначения целевого инфинитива с показателем -ть.

¹² Преимущественно с инфинитивом сочетаются *vilja* “хотеть”, *skulu* “долженствовать”, *mega* “мочь”, *kunna* “уметь”, *munu* “быть вероятным”, валентность и на инфинитив и на супин из числа интранзитивных глаголов имеют *vera* “быть”, *verða*, *gerðask* “становиться”, иметь тенденцию произойти”, из числа транзитивных – *hafa* “иметь”, *eiga* “обладать, причитаться”, *fá* “получать”, *geta* “начинать, приступать”, *lata* “допускать”, “достигать”, *gera* “делать”, *ráða* “решать”, *veita* “оказывать”, *vinna* “преодолевать”, с супином сочетаются транзитивные глаголы *orka* “действовать”, *duga* “быть в состоянии”.

на них ориентированы большие классы словоформ. Прежде всего это формы ср.р. ед.ч. сильного и слабого склонения прилагательных ср. *líkligt* "вероятно", *illa* "злобно".

Наибольшее морфологическое разнообразие присвязочных форм наблюдается в дативно-безличном предложении. Последнее имеет трехчастную структуру: СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ в ДАТ.П. – ГЛАГОЛ-СВЯЗКА–ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЧЛЕН. В позиции связки выступают прежде всего *vera* "быть", *verða* "становиться" и глаголы со значением "казаться" – *þykkja*, *sýnask*, *virðask*, *lítask*. Позиция после связки помимо форм ср.р. сильных и слабых прилагательных может замещаться словами следующих типов:

1) супином (несогласуемой формой причастия прош. вр.):

var þeim þar vel fagnat (Hkr III, 292), букв. "было им там обрадовано", *því at mér er nær höggvit*, букв. "ибо мне близко порублено" (ÍF VI, 130), *þó at þrængt verði kosti þínum* (ÍF XI, 16), букв. "хотя бы стеснено станет твоей доле"; *þókkat* букв. *"отвращено", ср. *Lofti var mjök þókkat at þeira gems* (HS 11) "Люфту было весьма отвращено от их насмешек";

2) непроизводными (старыми) наречиями: *vel* "хорошо", *illa* "плохо", *mjök* "много";

3) формами степеней сравнения: *líkast* "ближе всего к истине" (ÍF VI: 331), *hjálpvænligra* "большие надежды на помощь" (HS 10);

4) формами имен п.¹³ существительных абстрактной семантики, так называемых имен аффекта: *ráð* "умысел, смысл", *ván* "надежда", *grunn* "подозрение";

5) формами причастий наст. вр. Ср. *þér er ósitjanda* букв. "тебе есть несидяще" = тебе негоже сидеть (слова руки).

Все словоформы, занимающие постфинитную позицию в дативном предложении могут формировать высказывания без семантического субъекта: *mér er kalt* "мне холодно", *er kalt* "холодно". Обратное не всегда имеет место. Иногда переход от бес-субъектной схемы к дативной обусловлен заменой связочных глаголов, так, высказывания *er líkligt* "вероятно", *er hörmuligt* "прискорбно" при добавлении позиции семантического субъекта в дат.п. требуют связки "казаться" → *honum þykkir líkligt / hörmuligt* букв. "ему кажется вероятно / прискорбно". В то же время в ряде контекстов безличные высказывания с "быть" и "казаться" формально не противопоставлены [Смирницкая 1972: 79]; характерной особенностью древнеисландского языка, отличающей его не только от русского, но и от родственных древнескандинавских диалектов, является допустимость высказываний со связкой "казаться", не распространенных придаточным или инфинитивным оборотом, ср.: *þorgils svarar: "þá pykkir mínum föður illa"* (A 7-11) «Т. отвечает: "тогда моему отцу покажется плохо"»¹⁴.

Замечательной особенностью древнеисландского синтаксиса является возможность реализовать большинство предикативных словоформ, выступающих в дативном предложении, в двусоставной конструкции. В функции "транзитивных связок" выступают все перечисленные выше в прим. 11 транзитивные глаголы, способные вводить несогласуемую форму причастия прош. вр. (супин), а также глаголы знания, мышления,

¹³ В двух случаях в роли предикатива в дативном предложении выступают застывшие формы род.п. существительных *svefn* "сон", *draumr* "сновидение" – *svefns* "X пребывает в состоянии сна", *draums* "X видит сновидение". Предикативные формы род.п. других существительных реализуются в двусоставном предложении, ср. *hann* (имен.п.) *er lífs/dauda* "X находится в состоянии жизни/смерти".

¹⁴ Данный феномен можно объяснить, отталкиваясь от структуры древнеисландского текста. Предикация эпистемической модальности противопоставляется здесь предикации состояния в основном при помощи употребления придаточного с союзом "что" (др.-исл. *at*), ср. *mér þykkir/er vel ~ illa ~ ráðligt at P* "мне кажется/есть ~ хорошо ~ плохо ~ разумно, что P". Однако в языке древнеисландской прозы, как убедительно показал еще Андреас Хойслер [Neusler 1913: 187–202], основной синтаксической единицей является не элементарное предложение, а сверхфразовое единство (период речи), поэтому заполнение валентности на придаточное в большинстве случаев оказывается избыточным.

говорения и восприятия¹⁵. Таким образом, полная парадигма связочных конструкций, где возможны несогласуемые предикативные словоформы, имеет следующий вид:

N_{dat} -[V_{link} -Pred]	#[V_{link} intrans-Pred]	N_{nom} -[V_{fin} trans-Pred] ¹⁶
<i>mér er sagt</i> "мне сказано"	<i>er sagt</i> "сказано"	<i>hann heyrir sagt</i> букв. "он слышит сказано"
<i>mér þykkir kunnigt</i> букв. "мне кажется известно"	<i>er kunnigt</i> "известно"	<i>hann gerir kunnigt</i> "букв". "он делает известно"

Проведенное нами исследование языка древнеисландской прозы показало, что в указанных позициях реализуются не только застывшие формы именного словоизменения и супин, но и значительное число слов, специализированных в предикативной функции¹⁷. Все такие слова в соответствии с принятым в германистике термином мы будем далее именовать "предикативами". Использует термин "предикатив" и А.В. Исаченко [Исаченко 1955: 49]. Следует отметить, что употребление термина А.В. Исаченко не совпадает с его обычным использованием в европейской традиции, так как германисты, говоря о предикативе, имеют в виду прежде всего синтаксический элемент, а не слово, как словарную единицу, ср. [Nygaard 1906: 5–6; Diderichsen 1976: 175].

На первом этапе исследования методом сплошной выборки изучались тексты полного собрания родовых саг (включая т.н. пряди). Анализ показал, что финали древнеисландских предикативов омонимичны показателям согласования. Этот факт серьезно затрудняет обработку данных: большинство словарей помещает предикативы в парадигмы прилагательных и существительных, приводя фиктивные формы имен.п. м.р. Единственным словарем, снабжающим предикативы специальной пометой, является словарь В. Бэтке, где данные слова имеют пометы типа "прил. ср.р.", "наречия", "неизменяемые прилагательные" [Baetke 1965]. В ходе проверки были обнаружены отдельные расхождения с данными Бэтке – словарь учитывает не все предикативы, представленные в текстах, в то же время, для ряда форм, отнесенных в словаре к числу неизменяемых, были найдены согласовательные корреляты: в настоящей статье такие расхождения специально оговариваться не будут.

¹⁵ Глаголы мышления, говорения, знания и восприятия могут вводить и супин, ср. hon... *sagði skilit við Þorbjörn skinnhúfu* (A 9, 142), букв. "она сказала разведено с Торбьёрном Кожаная Шапка" = "она объявила о разводе с Т." (к *skilja* "разделять", "разводить") *heyrir hefði ek ykkar getit* (ÍF VI: 135), букв. "слышал я вас упоминаю", = "я слышал, как вас упоминают" (к *geta* "упоминать"). Выделенные синтагмы имеют статус свободных сочетаний и характеризуются полной синтагматической разложимостью, в отличие от сочетаний с супинном, создаваемых транзитивными глаголами с непропозициональной семантикой: *hann fekk skilit* "Х сумел разделить", *hann lét skrifað það* "Х велел записать это". Последние имеют грамматическую направленность и иногда рассматриваются как акциональные конструкции, близкие к перфекту с *hafa* "иметь" [Смирницкая 1977: 39, 58].

¹⁶ Здесь и далее используются символы: N_{nom} – имен.п., N_{acc} – вин.п., N_{dat} – дат.п., N_{gen} – род.п., N_{prep} – предложная группа, V_{link} – связочный глагол, V_{fin} – личный (финитный) глагол, V_{trans} – переходный глагол, $V_{intrans}$ – непереходный глагол, Adj – прилагательное, $Neut$ – средний род, Adv – наречие, Neg – отрицание, $Pred$ – предикатив, # – нулевой субъект. Квадратными скобками обозначены границы связочной синтагмы.

¹⁷ При определении синтаксических позиций морфосинтаксическими признаками предикатива считались: невозможность выступать в атрибутивной функции, неспособность занимать актантную позицию в предложении, отсутствие согласовательной морфологии. Употребление предикатива в функции приложения контрпримером не является, поскольку аппозитивные синтагмы в древнескандинавскую эпоху имеют жесткий порядок слов ОПРЕДЕЛЯЕМОЕ–ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ и изоморфны предикативным [Кацнельсон 1949: 324]. Ср. два примера на соседних страницах саги: 1) *menn, sem þrotráða vǫru* (HS 9); "люди, которые немощны (букв. немощен) были": 2) *maðr þrotráða, er Marteinn hét* (HS 10) "человек немощен, который звался Мартейн"; фигурирующий в данных высказываниях предикатив *þrotráða* не может стоять препозитивно, т.е. выполнять роль атрибутивного прилагательного, и, с другой стороны, не выступает как субстантивное слово – синтагмы типа **inn þrotráða maðr* "тот немощный человек", **þrotráða kom heim* "немощен пришел домой" недопустимы.

На втором этапе исследования привлекался материал ряда королевских саг и саг об исландцах¹⁸. Их изучение не дало принципиально новых результатов, но позволило существенно расширить список предикативов. На третьем этапе исследования изучались древнеисландские памятники других жанров. Наконец, данные древнеисландского языка были подвергнуты внешнему сравнению и сопоставлены с данными других древнескандинавских диалектов, а также современного исландского языка.

Рассмотрим морфосинтаксические, словообразовательные и лексико-семантические характеристики древнеисландских предикативов, а затем попытаемся оценить их особенности в типологической перспективе.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ФИНАЛИ ПРЕДИКАТИВОВ

Древнеисландские предикативы строятся по нескольким типам, повторяющим застывшие формы именного словоизменения, возможные в структурах без согласования. В этом смысле их можно условно обозначать как "квазиприлагательные, – наречия, – причастия".

А) Слова с финалью *-t*.

Это самый многочисленный класс, омонимичный прилагательным сильного склонения в форме имен. – вин.п. ср.р. ед.ч. Преобладают композиты и слова с суффиксами (полусуффиксами) *-mikit*, *-fátt*, *-laust*, *-samt*: *áhyggjumikit* "озабоченно", *ráðfátt* "нет мыслей", букв. *"скудомысленно", *orrostulaust* *"безбоязненно", *svefnsamt* "(делается) сонно"; также *-ult*, *-alt*; *stopalt* "скверно", *bimbult* "муторно"; префиксами (полупрефиксами) *o-*, *þr-*, *auð-*, *vand-*, *tor-*: *þrvænt* "безнадежно", "тяжко", *torfynt* "трудно найти". Встречаются и отдельные симплексы: *annt* "много работы", букв. "занято", *(ekki) fritt* "не мирно" = "есть опасность вооруженного нападения". Общее количество предикативов с финалью *-t* составляет не менее нескольких сотен.

В) Супин

В литературе отмечалось, что несогласуемая форма причастия прош. вр. является "квазипричастием"; тем более примечательно, что в древнеисландских текстах форму супина можно образовать от несуществующих глаголов, например *auðfengit* *"легкодоступно" (*fá* "получать", **auðfá*), *hugleikit* "замышлено" (**hugleika*, *mér lék hugr* "у меня созрел замысел"), *ólfat* "не дожито" (**ólifa*, *lifa* "жить"). Данный тип предикативов представлен префиксальными словами, в качестве второго компонента которых выступает супин от реально существующих глагольных основ. По своему значению такие слова сопоставимы с целыми высказываниями, в которых значение глагола проясняется зависящими от него элементами: *hoppit kom í hug* "X-у пришло на ум" → *hoppit var hugkvæmt* букв. *"X-у было наумходно". Таким образом, по способу деривации предикативы данного типа могут быть отнесены к выделенной Э. Бенвенистом категории "делокутивов", т.е. лексических единиц, произведенных от фразы (речевого акта) в целом [Бенвенист 1974: 320].

Общее число предикативов, строящихся по типу супина, в рассмотренном материале составило около ста слов.

С) Слова с главной финалью *-al-i* (тип слабого прилагательного или *n*-основного существительного): *hugsi* "задумчив, молчалив", *þrotráða* "неможен, инвалид", *þrbjarda* "беспомощен", *sundrórða* "несогласен, груб"¹⁹. Обозначение морфологического разряда

¹⁸ Из этой группы изучались следующие тексты: "Круг Земной" Снорри Стурлусона, "Сага об Олаве сыне Трюгви" монаха Олда Сноррасона, "Легендарная" и "Старшая" саги об Олаве Святом, "Сага о Сверрире", "Саги о Посошниках", "Сага о Хаконе Старом", "Сага о Магнусе Исправителя Законов", все саги цикла "Саги о Стурлунгах" и "Сага о Храфне сыне Свейнбьёрна".

¹⁹ По типу предикативов с финалью *-al-i* строятся также скандинавские имена родства типа *sammæðra* "от той же матери", *næstabræðra* "родственник на степени родства двоюродного брата". Как указал А. Нурен, в этой группе слов формант *-a* имеет иное происхождение, нежели у слабых прилагательных, и представляет собой застывшее окончание род.п. мн.ч. существительных [Noreen 1923: 277]. Общей чертой,

здесь еще более условно, так как термин "слабые прилагательные" зарезервирован в древнеисландской грамматике за атрибутивными формами [Heusler 1913: 133]. Разряд предикативов с финалью *-al-i* насчитывает порядка 200 слов.

Предикативные слова с финалью *-al-i* образуют известную аналогию к русским прилагательным типа *рад*, *горазд*, но, в отличие от последних, они не выражают никаких словоизменительных и реляционных категорий вообще. Исландские грамматисты называют такие слова "прилагательными, имеющими только слабую форму" [Halldórsson 1951: 115, 120] либо "несогласуемыми прилагательными, лишенными степеней сравнения" [Pétursson 1981: 135–136], однако считать предикативы вроде *hugsi* "молчалив, молчун" прилагательными можно лишь с большой натяжкой – скорее мы имеем дело с характеризующими именами с недифференцированным качественным значением.

Среди предикативов с гласной финалью преобладают композиты и аффиксальные слова; симплексы редки, ср., однако, *hæna* "отзывчив" (к сущ. *hæl* "просьба, мольба"), *horði* "заносчив", букв. "с большим бортом" (к сущ. *borð* "доска, стол, борт") *þarfal-i* "тот, кто в нужде", *þurfi* "то же" (к глаголу *þurfa* "нуждаться" и его презентной форме 1, 3 л. ед.ч. *þarf* "я, он в нужде").

ПРЕДИКАТИВЫ И КАЧЕСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Не все производные слова с финалями *-t* и *-al-i* являются предикативами: отдельные слова с данной морфологией специализируются в функции наречий – (fylkja) *hamalt* "выстраивать войско клином" или количественных слов – *aleuða fjar* "уйма денег". В то же время слова с финалями *-t* и *-al-i*, способные формировать именное сказуемое, лишены в языке саг непредикативных коррелятов. Спорадически в роли предикативов выступают и слова с другими финалями, например, производные слова с суффиксом *-liga*, который обычно трактуется как наречный.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДИКАТИВОВ

Предикативы с финалью *-t* могут вводиться всеми связками в безличном предложении (как с семантическим субъектом, так и без него), а также в двусоставном предложении "транзитивными связками" – глаголами со значениями "иметь", "получать", "делать" и т.д. Как было отмечено выше, реализация предикатива в безличном либо в двусоставном предложении зависит в древнеисландском языке не столько от валентных свойств самого предикатива, сколько от выбора связки. Для большинства слов с финалью *-t* засвидетельствованы как примеры типа *honum var/þótti auðfengit* "ему было/показалось легкораспознаваемо", так и примеры типа *haan hafði/gerði/sagði auðfengit* "он имел/сделал/сказал легкораспознаваемо".

Реализация морфологически производных предикативов с финалью *-t* нередко предполагает ту же позицию, что и реализация симплексов, выступающих в роли их компонентов, ср. *fátt* "скудно, мало, плохо" – ср.р. от *fár* "немногий, редкий, недоброжелательный" и *-fátt* как суффикс, сигнализирующий "отсутствие или недостаточную интенсивность признака" в композитах типа *vit-fátt* "не хватает смекалки", букв. "скудоумно", *vin-fátt* "мало друзей". Как симплекс, так и композит способны формировать дативную схему, ср. 1) *honum fannst fátt um* "X выказал недовольство", букв. "X-у показалось плохо о"; 2) *honum varð vitfátt* "X-у стало плохо с умом".

Дистрибуция предикативов, в качестве второго компонента использующих супин, аналогична отмеченной выше для предикативов с финалью *-t*. Поскольку супин древнеисландского глагола обычно имеет финаль *-t* [Стеблин-Каменский 1955: 104,

объединяющей данные слова с другими предикативами с гласной финалью, является то, что все они употребляются только в функции сказуемого.

133–135], можно констатировать, что значительная часть предикативов сохраняет в данную эпоху общий маркер и общую сочетаемость.

Предикативы с гласной финалью тяготеют в языке саг к двусоставному предложению; они ориентированы на характеризацию одушевленного субъекта в позиции подлежащего. Ср. Napp er *örbjarga* "X беспомощен, X не в состоянии себе помочь". Синтаксическая схема может быть обобщена как $N_{\text{ном}}-V_{\text{fin intrans}}-\text{Pred}$. В роли глагольного элемента чаще всего выступают вега "быть", вегда "становиться", фага в значениях "перемещаться" и "проявлять себя".

Отдельные предикативы с финалью *-al-i* изредка реализуются и в дативно-безличном предложении, но для древнеисландского языка это нехарактерно.

Как предикативы с финалью *-al-i*, так и предикативы с финалью *-t* могут иметь при себе зависимые слова обстоятельственного или актантного характера: соответствующие валентности не могут быть предсказаны заранее по общему правилу и должны указываться при словарном описании предикативов:

Pred + $N_{\text{ген}}$: Hví ertu sva seinn, fóstri minn, ok fráskili föruneytina? (ÍF IV: 252), букв. "Отчего ты замешкался, отец, и оторван от провожатых?"

Pred + $N_{\text{acc prep}}$: Þá mun ávinnt verða um söxin í dag (Hkr I, 218), букв. "тогда будет сегодня *напряженно* на штевнях" = будет тяжело сражаться.

Многие слова имеют также валентность на инфинитивный оборот и/или на придаточное изъяснительное, ср. Mér et *anni* at drepa þik (ÍF IX: 142) "мне *положено* убить тебя". Как указано выше, заполнение данных валентностей обычно является в языке древнеисландской прозы факультативным.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДИКАТИВОВ

Семантика древнеисландских предикативов тесно связана с их словообразовательной структурой. Тот факт, что абсолютное большинство предикативов представлено либо композитами, либо аффиксальными словами – из приблизительно 600 форм встретилось всего 4 симплекса с гласной финалью и около 20 симплексов с финалью *-t*, – закономерно отражает способ трансформации, соединяющей именные композиты с глагольными предложениями. При этом зависимые элементы глагольной группы, стоящие после финитного глагола, в именном трансформе перемещаются в начальную позицию.

Базовая структура	Предикатив
$V_{\text{fin}}-\text{Adv}$ aka svá <i>höllu</i> букв. "ехать <i>вкось</i> перед кем-л."	<i>hall-oki</i> "X ущемлен Y-м в правах"
$V_{\text{fin}}-N_{\text{acc prep}}$ kemr í <i>hug</i> "приходит <i>на ум</i> кому-л."	<i>hug-kvæmt</i> X-у пришло на ум"
Adj- $N_{\text{dat prep}}$ þungr í <i>skapi</i> букв. "тяжелый <i>на душе</i> "	<i>spap-þungt</i> "X-у тяжело на душе"
Adj neut- $N_{\text{ген}}$ vant <i>ábóta</i> "требуется <i>улучшений</i> "	<i>ábóta-vant</i> "X-у недостаточно, не хватает чего-л."

То же линейное расположение характерно и для обычных сложных прилагательных и существительных, ср. illgr *tillaga* "дурной *на подмогу*" → *tillaga-tigr* "то же". От последних древнеисландские предикативы отличаются тем, что описывают не постоянный признак объекта, а переменное свойство единичной ситуации. Это позволяет трактовать их денотаты как своего рода ситуативные понятия, которые не выходят за рамки актуализованного положения дел. Древнеисландские памятники дают возможность наблюдать синтагматическую близость предикативов и глагольных групп. Так, сличение версий "Саги о Названных Братьях" позволяет установить, что рассказчики саг использовали предикативы как инструмент компрессии текста, номинализуя при этом предложения с финитной формой глагола.

1) Matgörgarmenn Gauts þraut *eldivið* "повара Гаута *нуждались в хворосте*" (Н 15–

198); 2) þar var illt til eldiviðar “Там было плохо с хворостом” (МН 15–198); далее редакция *М* даёт: 3) Matsveinum Þorgeirs höfðu eldiviðarfátt “поварам Гаута было скуднохворостно” (М 15–199), букв. “Повара Гаута имели скуднохворостно”. Тот же предикатив воспроизводится на следующей странице с другой связкой: 4) því at matsveinum varð eldiviðarfátt (М 15–200) “ибо парням стало скуднохворостно”. Параллельная редакция *Н* даёт в этом месте посессивную конструкцию с абстрактным существительным в имен.п.: 5) því at sveinum varð eldiviðarskortr (Н 15–200) “ибо у парней (букв. парням) случилась недостача хвороста”.

Вместе с тем, анализ контекстов доказывает, что описание ситуации при помощи предикатива семантически сложнее описания при помощи глагольного предложения. Во-первых, употребление предикатива предполагает наличие носителя признака (в приведенных выше примерах – лицо, испытывающее недостачу хвороста, душевные муки и т.п.). Во-вторых, как показало проведенное исследование, употребление предикативов всегда сигнализирует о наличии акта оценки, направленного на описываемую денотативную ситуацию; ни один из предикативов не является чисто дескриптивным словом. Иногда измеряется степень интенсивности признака; чаще объектом оценки оказывается отношение к норме (юридической, поведенческой, моральной и т.п.) или благоприятность/неблагоприятность (приемлемость/неприемлемость) ситуации для некоторого лица. Так, значение широко распространенного предикатива *þgvænt* букв. “безнадежно” уместно описывать в словаре как: “с точки зрения некоторого *X*-а ситуация *α* безнадежна для некоторого *Y*-а”.

Таким образом, категориальное значение древнеисландских предикативов целесообразно описывать с опорой на два параметра, которые можно назвать Субъектом Оценки и Субъектом Состояния: первый не является участником ситуации и выступает в роли стороннего наблюдателя, второй является носителем предиктируемого признака. Определение первого параметра особых проблем не представляет, статус второго требует комментария.

Совпадение субъекта оценки с участником оцениваемой ситуации необязательно, хотя и возможно. В отдельных случаях предикатив выражает юридическую оценку (субъект оценки – принципы права): *útkvæmt** “выездно” (= ситуация, где у *X*-а есть право выезда из страны после вынесения обвинительного приговора), *aptrreka** “морепонужден”, т.е. “*X* выброшен на берег не по своей воле и несет за это ответственность”, *óálandi*, букв. * “невскармливаем” (= преступник, которого нельзя кормить). Чаще выбор субъекта оценки (сам говорящий, адресат, рассказчик, усредненный наблюдатель и т.п.) определяется прагматическими факторами. Наиболее интересный случай образует дативное предложение, где позиция наблюдателя (субъекта оценки) предусмотрена самой схемой высказывания. При этом разграничение субъекта оценки с субъектом состояния манифестируется весьма тонким поверхностным различием – употреблением либо опущением инфинитива при связке “казаться”, ср.:

Þlugi svarar: rangt sýnisk mér vera, at svá mikill þjófr gagni undan (ÍF VI: 13–188),

букв. “И. отвечает: неправильно кажется мне быть, что столь гнусный вой уйдет прочь”.

Наличие инфинитива *vera* “быть” обусловлено здесь прагматическими, а не формально-грамматическими причинами: мнение *X*-а о том, что преступника необходимо наказывать, дистанцируется от недовольства возникшей коллизией (*rangt* “криво, неправильно, дурно” передает оценку ситуации как недопустимой для субъекта). В высказывании без инфинитива – *rangt sýnisk mér, at P* “мне кажется неправильно, что *P*”, два данных смысла совмещаются²⁰.

²⁰ Суть данного различия можно сформулировать и чуть иначе: в высказываниях с предикативом, но без инфинитивной трансформации – ср. *rangt sýnisk mér* – оценка (в данном примере негативная) не выходит за пределы речевого акта; в высказываниях с предикативом и с инфинитивной трансформацией – ср. *rangt sýnisk mér vera* – оценка объективируется и распространяется на некоторое множество подобных ситуаций.

Выявление носителя признака является более трудной задачей, нежели выявление субъекта оценки, поскольку лишь часть предикативов непосредственно описывает психические или физические реакции человека, ср *ráðfátt* "X-у не хватает смекалки", букв "скудомысленно", *svefnhofugt* "X-а клонит в сон", букв "тяжелосонно" Другая часть предикативов, на первый взгляд, обозначает текущее положение дел в мире – ср *vígljóst* "достаточно светло, чтобы вести бой", *framanvált* "волны захлестывают судно с носа" Поэтому теоретически допустимо считать, что у слов второй группы роль семантического субъекта выполняет ситуация в целом (мир, окружающая среда, локус), в то время как у слов первой группы в роли семантического субъекта выступает человек или его психика Против этого, однако, говорит тот факт, что в древнеисландском, в отличие, например, от современного русского языка, по-видимому, почти нет безличных слов типа русск *солнечно*, *пасмурно*, *ветрено туманно* *топко* или болг *дъждовно*, *кишаво* [Маслов 1981 175], выражающих ситуативный признак, имеющий одинаковое значение для всех носителей языка – ср невозможность сказать по-русски **мне*, **для меня топко, пасмурно* при нормальном *здесь топко, сегодня солнечно*²¹ В корпусе саг нашлось много примеров, где при предикативах второй группы эксплицируется позиция одушевленного субъекта – носителя признака, ср *honum var vígljóst* "ему было достаточно светло, чтобы вести бой", *þeir fengu mjok framanvált* (ÍF VI, 323), букв "они получили сильно зачерпнувши с носа Поэтому предпочтительней считать, что все или почти все предикативы в языке саг квантифицируются по конкретному одушевленному субъекту Данную интерпретацию, как показывает анализ контекстных смыслов, легко распространить и на примеры, где позиция носителя признака внешне не выражена Так, значение появляющегося в ключевом эпизоде "Саги о Гисли" предикатива *þar var innangengt í fjós* (ÍF VI, 53) "там было можно войти в хлев из дома", букв "там было внутрьвходно в хлев", можно анализировать и как "В 962 г планировка данного хутора *оставляла возможность любому X-у* войти в хлев", и как "в ту ночь *убийца мог войти и уйти* через хлев" В данном примере оба смысла равноправны (хотя для развертывания текста важнее второй), в контексте (ÍF VI, 217/Н) *eigi var skipfært ok var Eujólfur eptur*, букв "непроездно было на корабле по морю и Э задержался" информация о состоянии моря в некий момент времени релевантна только по отношению к попыткам X-а попасть домой, наконец, в контексте (ÍF VI, 66) *ok segir heldr ógreiðfært um skóginn*, букв "и говорит довольно *опаснопроездно* через лес" релятивизированное толкование 'в тот момент проехать через лес было *опасно для некоторого X-а*" является единственным возможным

Предложенный анализ распространяется на обе морфологические разновидности предикативов – с финалью *-t* и с финалью *-a/-i* К числу факторов, сближающих обе группы композитов, относится наличие более 50 первых компонентов, повторяющихся в обоих разрядах (*á-, af-, al-, afl-, ein-, for-, full-, jafn-, ó- sam- sundi-, sjálf-, van-, þr-* и т д) и синонимичность ряда вторых компонентов²² (ср *-fátt* и *-vana*, задающие одно и то же значение "недостаточной интенсивности признака") Так, высказывания *honum var afl-fátt fyrir e-m, hann var afl-vana fyrir e-m* выражают один и тот же смысл "X-у не хватило сил в борьбе с кем-л", варьируют лишь их формально-синтаксические характеристики предикатив *afl-fátt* реализуется в односоставной конструкции, а предикатив *afl-vana* – в двусоставной.

Отдельную и важную проблему составляет квалификация носителя признака имен-

²¹ Возможное исключение – предикатив *reimt* (Ísl 1003) имеющий специфическое значение здесь нечисто, 'имеются привидения', 'es spuckt

²² Можно указать и пары где этимологически тождественны оба компонента Ср *al huga* и *al-huga* обе формы имеют значение 'у X серьезные намерения, X полон решимости добиваться намеченного' Также только финалиями различаются *sjálf-ráða* и *sjálf-rátt* X не в состоянии принять решение сам

но как субъекта состояния", а не как "констатива" или "субъекта модальности". Здесь мы ориентируемся, с одной стороны, на факты сочетаемости предикативов в языке саг, с другой – на taxономические признаки "состояний", выделенные в работах З Вендлера, Т В Булыгиной и О А Селиверстовой на материале английского и русского языков [Vendler 1967, Булыгина 1982 33–40, Селиверстова 1982 121–127]

Выше уже были приведены данные о том, что древнеисландские предикативы обозначают актуальные положения дел [Vendler 1967] и квантифицируются по своему субъекту [Булыгина 1982 37]. Принципиально важно также, что денотаты предикативов занимают отрезок на временной оси – критерий, на котором вслед за З Вендлером акцентирует внимание О А Селиверстова [Селиверстова 1982: 122]. Ср пример, где срок действия предикатива ограничен юридическим соглашением

var gefit fé til at þeir skyldi vera ferjandi, en eiga eigi útkvæmt meðan nokkur Ólafssona væri á dogum eða Asgeir Kjartansson (L 187)

"было заплачено, чтобы они могли выехать, но не иметь **приездно**, пока жив кто-либо из сыновей Олава или Асгейр сын Кьяртана"

Таким образом, *útkvæmt* понимается с точки зрения закона именно как временное пребывание человека в некотором правовом статусе

Поскольку древнеисландские предикативы встречаются в тех же позициях, что и несогласуемые формы прилагательных и существительных, весьма вероятно, что значение "пребывания в некотором состоянии, не детерминированном внешним действием", отчасти характерно для самих связочных конструкций, использующих несогласуемые именные слова. Наблюдение за предикативными композитами в этой связи ценно тем, что позволяет восстановить операции, к которым прибегает рассказчик саги в процессе порождения текста. Так, в диалоге (HS 36) в ответ на реплику говорящего – því at ek vil tala við þik "ибо я хочу *переговорить с тобой*" адресат строит предикатив *vanmælt* "недоговорено" = "X-у с Y-м есть о чем поговорить"

Eyjólfur svarar ef þú átt nokkut vanmælt við mig, þá mæl þú þaðan, sem þú ert kominn, en ek mun hédan svara, sem em ek kominn, því at ek á ekki vanmælt við þik

Эйольв отвечает если у тебя ко мне *недоговорено*, говори со своего места, а я буду отвечать со своего, потому что у меня к тебе *все договорено*"

Данный пример показывает, как квантификация по субъекту делает описание интенциональным. А и В не говорили друг с другом, но оценивают это по-разному: у В к А "недоговорено", а у А к В "договорено", т.е. говорящий считает, что их отношения таковы, что говорить им *не надо*.

Сходными причинами могут быть объяснены и метафорические переносы, обнаруживаемые при сопоставлении значений несогласуемых предикативных форм обычных прилагательных со значениями, зафиксированными для тех же прилагательных в других контекстах. Поэтому тот факт, что форма ср р прилагательного *óhinn* "нечистый, грязный, скверный" выражает в безличной конструкции *var óhin einn* (Ísl 1230), букв "было нечисто" не смысл "имеется мусор", а смысл "есть опасность для X-а", является вполне предсказуемым следствием квантификации состояний по носителю признака. В то же время семантические сдвиги между безличными и согласуемыми формами не стоит преувеличивать. В подавляющем числе случаев при образовании безличного предикатива имеет место не развитие новых лексических значений, а скорее резкое сужение значений качественных слов, ср предикатив *dátt* "весело" и прил *dátt*, согласно словарям имеющее значения "милый, приятный, доверительный, расслабленный, дурашливый" *þórðr Ingunnarson gerði sér dátt við þau Þorvald ok Guðrún* (L 114) "Т близко сошелся с Торвальдом и Гудрун", букв "Т *сделал себе доверительно*". Для древнеисландских прилагательных характерен большой, вплоть до энантиосемии, разброс значений [Кацнельсон 1949 368–378], напротив, употребление их несогласуемых предикативных форм, как показало наше исследование, довольно единообразно.

В эпоху записи саг – XIII–XIV вв. производство предикативов представляло собой активно протекающий процесс. По всей вероятности, для древнего исландца не существовало денотативных ограничений в данной области, и он мог при необходимости номинализовать любое предложение с помощью предикатива. Так, ситуация "где-либо много змей, опасно" воплощается как *her er víða yrmt mjök* "здесь везде крайне змейно" [Baetke 1965: 763], а ситуация "на коне сидят двое" – как *hestinum var tvímennt* "коню было двулюдно", либо *hestinn hafði tvímennt* букв. "конь имел двулюдно" [Baetke 1965: 763].

Вместе с тем, открытость предикативов как лексической группировки говорит о том, что не все засвидетельствованные памятниками формы стали полноценными лексемами. Некоторые отличаются высокой частотностью, как *auðit* "суждено" (L 8–32; 40, 145; Sv 21–4; ÍF II 21–51) или *þrvænt* "безнадежно" (A 5–332, ÍF III 31; 32; I, 22, 931; Hkr I 6–230 L 8–32; 40, 145; Sv 21–4; ÍF II 21–51), но большинство встретилось в нашем материале не более 1–2 раз. С другой стороны, среди дошедших до нас форм велик процент синонимов²³. Это заставляет считать, что значительная часть предикативов не входила в основной словарный фонд языка, но была потенциальными словами, возникавшими в связочных структурах без согласования. В таком случае варьирование одного и того же денотативного содержания с помощью выбора разных корней и аффиксов означает, что древнеисландская проза фиксирует категорию предикатива в стадии возникновения.

Идентификация потенциальных слов не представляла труда потому, что коммуникантам был известен набор корней и аффиксов, регулярно повторяющихся в разных типах сложных слов с оценочной семантикой, но прежде всего потому, что они не создавали новых синтаксических возможностей, а употреблялись лишь там, где допускались несогласуемые именные предикаты, сохранявшие связь с парадигмой словоизменения. В этих условиях рассказчик саги мог в денотативной ситуации "X-у трудно принять решение" однажды образовать форму *"труднорешаемо" как *torfunt*, второй – как *torfundit*, в третий – прибегнуть к формам ср.р. имевшихся прилагательных *torsóttir* или *torveldr*.

Имеются основания полагать, что подавляющее большинство рассматриваемых композитов изначально возникло в позиции предикатива сказуемого и никогда не имело параллельных форм словоизменения. Наблюдения за языком саг показывают, что в нем нет контекстов, благоприятствующих использованию атрибутивных оценочных слов типа **all-bros-ligr* *"разулыбчивый", выражающих постоянные свойства объекта. В то же время предикатив *all-bros-lig-t* (A 5, 350), "X пришел в хорошее настроение", букв. "X-у разулыбчиво" оказывается вполне к месту в качестве описания актуального положения дел. Теоретически нельзя исключить, что какие-то из предикативов имели согласовательные корреляты, случайно не попавшие на страницы саг, или что идиолекты писцов слегка различались, однако в целом жанрово-стилистическое единство памятников и их полнота не оставляют сомнений в том, что воспроизводство большого (порядка 400–600 словоформ) разряда слов, специализированных в функции сказуемого, обусловлено коммуникативными потребностями древнеисландского языка XIII–XV вв.

Иной путь прослеживается для небольшого числа супинов-симплексов, попавших в

²³ Ср., например, синонимы *annt* "хлопотно, X поглощен работой", *annrft* "то же", *annsamt* "то же"; *vandræðalíkligt* "ситуация сулит осложнения для X-a", *eigi vandræðalaust* "то же", *vandræðavænlingt* "то же", *gíptufátt* или *gæfuvant* "X-у не хватило удачи" и т.д.

разряд предикативов в результате того, что глаголы, от которых они образованы, вышли из употребления: *auðit* "суждено"²⁴, *reimt* "нечисто, появляются привидения", "es spuckt", *þiðit* "растаявши", *bilt* "страшно, нашла робость"²⁵.

ТИПОЛОГИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДИКАТИВОВ

О наличии предикативов как особого разряда слов со своими формальными признаками уместно говорить с того момента, когда в функции сказуемого специализируется значительное число производных именных основ. Численный состав древнеисландской группировки побуждает отнести её становление к дописьменной эпохе. Данные внутренней реконструкции позволяют установить ряд параметров, характеризующих состояние древнеисландского (или праскандинавского) языка на момент инновации.

1) Словообразование.

Древнеисландские предикативы реализуются в тех же позициях, что и оценочные слова, выступающие в роли их ядерных (финальных) компонентов. Массовое появление предикатных композитов говорит о том, что сочетания, занимающие присвязочную позицию, имеют тенденцию конституироваться как единое целое. В плане содержания эта тенденция подтверждается использованием предикативов в качестве средства описания ситуации: дескриптивное значение задается в них начальным компонентом, а оценочное значение – финальным. В плане выражения цельность предикатива манифестируется запретом на дистантное размещение составляющих; многие древнеисландские предикативы этому критерию не удовлетворяют и остаются в эпоху саг на уровне эфемерных синтаксических "сращений", ср. композит *áðbtavant* "требуются улучшения" и синтагмы, выражающие тот же смысл (курсивом выделены синтаксические экспоненты предикатива, жирным шрифтом – вводящий его финитный глагол):

(а) безличное предложение: $N_{\text{dat}}-V_{\text{link imp}}-[Adj \text{ Neut}-N_{\text{gen}}]$

á bóta þykkir mér vant L 89 букв. "улучшений кажется мне нужно";

(б) двусоставное предложение $N_{\text{nom}}-V_{\text{fin}}-[Adj \text{ Neut}-N_{\text{gen}}]$

Koðmákr kvað eigi stórra bóta á vant (Ísl 1483) букв. "К. сказал не больших улучшений нужно".

2) Порядок слов.

Становление предикатных композитов в позиции после связки подтверждает, что базовый порядок слов с фиксированным положением финитного глагола на втором месте к этому времени уже полностью сложился. В связочных схемах обе кофинитные позиции имеют собственное синтаксическое содержание: постфинитная позиция является позицией оценочного слова (предикатива), а предфинитная позиция – позицией его семантического субъекта²⁶. Крайне важно, что в период инновации двусоставные и

²⁴ Реликтовая падежная форма причастия глагола *auða* один раз зафиксирована в песнях "Старшей Эдде": *auðins fjár Sig* 36.

²⁵ Предикатив *bilt* "X-у страшно, нашла робость" этимологически соотносится с глаголом *bila* "медлить, мешать", но уже не входит в его парадигму – параллельно лексикализации старого *e* упина *bilt*, появился новый супин *bil-a-t*, образованный по типу глаголов на **o* (ср. *kalla* → *kallat*). Возможно, сходным образом возникла и форма *fritt* "надежно, нет опасности" (к глаголу *fríða*). Значение и словообразовательные связи предикатива *vant* "мало, плохо, не хватает" дают повод предполагать контаминацию трех основ при его производстве: *vanr* "пустой, тщетный" → *vant* ср.п., *vanta* "не хватать" → *vant* суп. и *vandr* "дурной" → *vant* ср.п.

²⁶ В высказываниях о стихийных процессах в соответствии с т. н. параметром нулевого субъекта [Barnes 1986: 40] предфинитная позиция остается вакантной и не замещается никаким служебным словом. Примечательно, что параллелизм связочных схем с транзитивными и интранзитивными глаголами не нарушается даже в этой сфере. Так, предикаты вроде *myrkt* "темно", *bjart* "светло", *kalt* "холодно" сочетаются в древнейших скандинавских памятниках не только с глаголами *varð/gerðisk myrkt, bjart stallo/sðeðalast* "темно, светло", но и с глаголом *gera* "делать" – *gerði bjart* (Íst 2297), букв. "сделало светло", *gerði mönnum heldr kalt* (Kgs II, 123), букв. "сделало людям довольно холодно".

связочные безличные высказывания в этом плане изоморфны, что подтверждается регулярным употреблением одних и тех же слов с финалью *-t* в структурах обоих типов.

3) Частеречный статус.

Сочетаемость предикативов с большим числом глаголов, в том числе транзитивных, свидетельствует о том, что связочная функция присуща в эпоху инновации не отдельным лексемам, а глаголу как части речи в целом. Материал позволяет считать, что в древнеисландском языке имело место не использование качественных наречий во вторичной функции, а синтаксическая лабильность признаков слов. К числу подлинных наречий, не употребляющихся предикативно, в древнескандинавскую эпоху можно отнести образования с суффиксами *-s*, *-a*, *-r*, *-la* [Falk, Торп 1900: 108; Стеблин-Каменский 1955: 80–81], однако продуктивность этих суффиксов мала – слова с ними составляют абсолютное меньшинство от общего числа форм, способных выступать в роли модификаторов глагола. В силу этого производные качественные слова категориально амбивалентны: статус наречия образа действия vs. предикатива и глагола vs. связки окончательно проявляется лишь в рамках конкретной предикатной синтагмы, т.е. на поверхностно-синтаксическом уровне. Ср. два примера с однотипными формами с суффиксом *-liga*

а) Хозяин говорит работнику, что тот неспособен внятно рассказать о поездке. *Herfúliga segir "þufrá tíðindum* (A 8, 12) "Мерзко рассказываешь ты о случившемся" – форма на *-liga* выступает как наречие образа действия,

б) Врач входит в дом и обращается к пациенту с предупреждением: *Sjá vil ek sá þut, því at mér er órífliga sagt af þrí* (A 19, 58) "Я хочу осмотреть твою рану, ибо мне опасно рассказано о ней", т.е. "рассказано, что твоя рана опасна" – форма на *-liga* выступает как предикатив.

Таким образом, есть основания считать, что разряды качественных наречий и предикативов формировались в древнеисландском языке параллельно.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДИКАТИВОВ: СКАНДИНАВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Разряд предикативов прослеживается в XII–XV вв. по исландским памятникам всех жанров. Показательно, что даже в анналах, где повествовательный элемент сведен к минимуму, летописцы прибегали к окказиональным словам для обозначения состояний, имеющих четкие временные рамки, с. *saurgaðr kirkjugarðr at Hólum ok songlaust* – "осквернено кладбище в Холар и не певши (обедню)" – *Konungsannáll*, под 1232 г. Некоторые из подобных композитов образованы от основ заимствованных слов, ср. *biskupslaust* "ситуация, когда в стране нет епископа" – *Konungsannáll*, под 1241, 1261, 1264 гг., *páfalaust* "ситуация, когда не избран новый папа" – *Lögmannsannáll*, под 1210 г.

Исследование О.А. Смирницкой показало, что языку "Старшей Эдды" присущ в целом тот же набор схем безличных связочных высказываний, что и языку саг, однако сами эти высказывания встречаются в "Эдде" реже [Smirnitskaja 1972: 63]. Тем не менее и в языке "Эдды", по нашим подсчетам, есть около 20 слов с финалью *-t* (ср. *alhugat* ННv 21; *auðut* Rm 22; *fullvegut* Am 53, Sg 33, *óbeðut* Háv 145, *þrvænt* НН II 48, ННv 23, *vant* Vsp 8, Sk 22) и 12 слов с гласной финалью (ср. *andvanla* НН II 33, Br 16, Gðr II 42, Hild 6; *ofrolvi* Háv14), для которых статус предикатива устанавливается с полной надежностью²⁷. Больше предикативов в скальдических стихах: здесь можно обнаружить как частотные лексемы, известные по прозаическим памятникам, так и окказионализмы, в частности, композиты с вторыми компонентами *-ligt*, *-samt*, *-laust*²⁸.

²⁷ Подсчеты проводились для всего корпуса песней, включенных в издание Г Неккеля – Х Куна (Edda)

²⁸ Ср. такие окказионализмы, как *vansverðat* "X-у не хватает меча" (Халльфред), *dylgjusamt* "чреватой битвой" (Тормод)

Оценка ситуации в родственных диалектах затруднена ввиду отсутствия в континентальной Скандинавии XIII–XV вв. нарративных текстов, сопоставимых с исландскими сагами. Лучше прослеживаются предикативы с гласной финалью. Наиболее устойчив данный разряд в истории шведского языка, ср. *twæhuga* "X в сомнении", *villarādha* "X пребывает в заблуждении". О его древности говорит тот факт, что ряд предикативов на *-a*, *-i*, *-æ* закрепился в роли юридических терминов в языке областных законов, ср. *þrþiuvæ* "X неуязвим для обвинений в воровстве", *biltogha* "X находится вне закона", а о продуктивности – спорадическое оформление заимствований финалями предикативов, ср. *malata* "X болен: < ср.-н.-нем. *malat* < ст.-франц. *malade*, *allēna* "X пребывает в одиночестве" < ср.-нем. *allēne* [Noreen 1904: 350–352].

Статус слов с финально *-i* оценить сложнее из-за того, что структурные изменения в грамматике континентальных скандинавских языков ведут к вытеснению безличных связочных схем, на которые были ориентированы словоформы с финалью *-i*. В дошедших до нас текстах (областные законы, дипломы, переводные и подражательные памятники) связочные конструкции с несогласуемым предикативным словом менее обычны, нежели в древнеисландском языке; в то же время некоторые формы, известные по корпусу саг, можно обнаружить и здесь, ср. др.-норв. *sannspurt* "доподлинно известно" (Kon Skug 22), др.-швед. *āfāt* "X-у не хватает чего-л." [Noreen 1922. 125]. Сужение синтаксической базы конструкций с предикативом подтверждается размежеванием связок "быть" и "казаться" в безличном предложении: в высказываниях с предикативным словом, вводимым глаголом "казаться", неизменно появляется инфинитив, а начиная с XV в. – еще и формальное подлежащее *thæt*, *det* "оно, это". Тем самым, одна из главных моделей, где реализуются предикативы, постепенно перестраивается в континентальных скандинавских языках по типу конструкций имен (вин) п. + инфинитив²⁹.

Напротив, в истории исландского языка за последние 600–700 лет радикальных изменений грамматического строя не произошло. Это делает сопоставление древне- и новоисландского узуса более наглядным. О количестве предикативов в современном исландском языке дает представление словарь А. Бедварссона [Boðvarsson 1993]³⁰. Разряд слов с гласной финалью представлен даже несколько шире, чем в древнем языке. Разряд слов с финалью *-i/-ð* (в новоисландском финали супина и формы имен -вин п ср.р. ед ч. сильных прилагательных часто не совпадают) насчитывает несколько сот форм; большинство из них, однако, употребляется нечасто. Некоторые из слов, выступавшие в древнеисландскую эпоху как предикативы, получают в современном языке формы согласования и достраивают свою парадигму. Другие слова, оставаясь неизменяемыми, переходят в разряд наречий или вводных слов – *auðvitað* "конечно", *efalaust* "несомненно"³¹. Все слова с суффиксами *-liga*, *-laust* исключаются из предикативного употребления и осмысляются как качественные наречия.

Знаменательны изменения в синтаксической дистрибуции. Многие предикативы с гласной финалью переходят от двусоставной конструкции к безличной. Данный сдвиг свидетельствует об экспансии дативного предложения, которое становится главным средством выражения неконтролируемых процессов с инактивным субъектом. В отдельных случаях слова на *-al/-i* формально и содержательно сближаются с при-

²⁹ Ср. характерный для XV в. пример из шведской версии "Саги о Карле Магнусе".

thz thökte them swa fagert wara (Cod Ver 14)

форм подл казалось им так красиво быть

По нормам древнеисландского синтаксиса подобное предложение должно было иметь вид $N_{dat}-V_{link}$ – P_{ind} т е þeim þottu mjök fagrt

³⁰ А. Бедварссон использует для предикативов словарные пометы $\acute{O}B$ – *öbeygjanlegt* *oð* (несклоняемое слово) и H – *hvoigugkyn* (средний род)

³¹ В эпоху саг оба слова употреблялись только в роли сказуемого: *auðvitað* "X-у очевидно" (L 5, 21, 46, Hkr II, 224, Ísl, 1060), *efalaust* "у X-а нет сомнений" (ÍF VI, 230, ÍF XI, 230)

частиями наст. вр., имеющими финаль *-i*; последние утратили в современном исландском языке согласовательные категории и нередко выступают как модальные предикативы – ср. *fundinum* (N_{dat}) var *ekki slítandi* "собранию было *не закрывавши*", т.е. "собрание *нельзя было закрыть*", *honum* (N_{dat}) er *ekki treystandi* "ему *не доверявши*" = *ему нельзя доверять* [Friðjónsson 1982: 213].

Устойчивость безличного предложения в новоисландском языке, отмечаемая в работах по общему синтаксису [Sigurðsson 1991: 37], подтверждается большим числом словоформ с финалью *-i*, употребляющихся в односоставных схемах; многие из таких словоформ специализированы в функции сказуемого, т.е. являются предикативами: *flökurt* "X-у тошно", *ábótavant* "X-у недостаточно" и. д. [Sigurðsson 1991: 53,73]. В то же время, возможность употребить предикативы с финалью *-i* в двусоставном предложении практически ограничена сочетаниями двух глаголов – *eiga* "обладать" и *láta* "позволять": ср. *eiga heimangengt*, *láta ummælt* [Böðvarsson 1993: 164, 561]. Другие транзитивные глаголы вообще редко сочетаются с признаковыми словами на *-i/ð* и с предикативами общей оценки *vel* "хорошо", *illa* "плохо". В тех случаях, когда новоисландский язык допускает подобное сочетание, оно фиксируется как идиома, ср. *gera kunnigt* "извещать", букв. "делать известно", *gera vart* "предупреждать", букв. "делать настороже" – нельзя сказать **geta kunnigt* "осилить известно", **veita vart* "оказать настороже". Устойчивые коллокации признаков слов с транзитивными глаголами отмечены и в корпусе древнеисландских памятников, ср. *Menþ [mæltu allmisjafnt] um vinattu þeirra* (Hkr III, 184), букв. "Люди [говорили крайне неровно] об их дружбе", т.е. "говорили о дружбе X-а с Y-м с предубеждением, порицали её", однако там их отнесенность к общей массе синтагм с предикативом поддерживается как разложимостью сочетания и возможностью замены связки – ср. *var allmisjafnt* (Hkr III 103), букв. "было крайне неровно", – так и пропозициональной семантикой – так, приведенное выше высказывание (Hkr III, 184) может быть адекватно истолковано как аналог придаточного: "Люди [говорили неровно] об их дружбе ≡ Люди говорили, что их дружба неуместна"³². Напротив, в современном исландском языке даже такие близкие синонимы как *eiga* "обладать" и *hafa* "иметь", *láta* "допускать" и *halda* "удерживать" не всегда эквивалентны друг другу: фраза *hann á gott* "У X-а все хорошо", букв. "X обладает хорошо" признается вполне нормативной, а фраза *hann hefur það gott* "X имеет хорошо" – нет, сочетание *láta laust* "отпустить", букв. "позволять свободно" допускается нормой, а сочетание *halda laust* с тем же значением фиксируется как архаизм [Böðvarsson 1993: 332]³³.

В целом, история исландского языка свидетельствует не о превращении группировки предикативов в особую часть речи, но о тенденции к регламентации их употребления: в современном языке резко сокращается как набор синтаксических схем, где реализуются предикативы, так и число вводящих их глаголов. В новоисландском языке наречия образа действия и предикативы имеют разную дистрибуцию и разные аффиксы: в эпоху возникновения предикативов становление разряда наречий

³² Ср. также примеры на сочетаемость слова *þungt* "X-у тяжело" с различными транзитивными связками: *veitti þungt* "X-у пришлось тяжело", букв. "оказало тяжело" (Kgs I 168); *lagði þungt* "X положил тяжело на Y-а" = "пожелал, чтобы Y-у стало тяжело" (Hkr II 125), *taka þungt* (ÍF III 318) "X принял тяжело на Y-а" = "враждебно отнесся к Y-у". И здесь контексты *sað* не оставляют сомнений в том, что форма *þungt* выступает как логико-семантический эквивалент предложения, а глаголы "класть" и "оказывать" в сочетании с *þungt* ведут себя как пропозициональные операторы.

³³ Некоторое число фразеологизованных употреблений транзитивных глаголов, с большой долей вероятности восходящих к синтагмам с предикативом, есть и в континентальных скандинавских языках, ср. дат *få fat ilpá* "уловить, поймать", букв. "получить схвачено", *have travlt* "быть занятым", букв. "иметь занято", швед. *det gör ont* "X-у больно", букв. "делает больно". Почти наверняка к синтагмам с предикативным словом восходят этикетные формулы дат. норв. *ha det godt* "будь здоров", букв. "имей хорошо", также н.-исл. *gerðu svo vel* "пожалуйста", "будь любезен", букв. "сделай так хорошо".

не завершено, связочные и глагольные схемы полностью не противопоставлены в текстах. И в древнюю и в новую эпоху употребление предикативов имеет точки пересечения с употреблением крупных разрядов глагольных имен – в древнеисландском языке – супина, в современном исландском – причастия наст. вр. Наконец, ни в одну из эпох исландские предикативы не имеют единого морфологического признака, а их финали всегда омонимичны показателям словоизменения. Вместе с тем, наличие у обеих основных разрядов – с гласной финалью и с финалью *-t/-ð* – общего значения "пребывания носителя признака в некотором состоянии", остается вероятным. Это позволяет считать исландские предикативы (предикативные наречия) лексической группировкой производных признаков слов со своим словообразовательным значением. Статус членов группировки не был неизменным: в современном исландском языке они становятся полноценными словарными единицами, в древнеисландскую эпоху многие предикативные композиты следует квалифицировать как окказионализмы.

Отсутствие разряда производных предикативных слов в готском и в западногерманском языках заставляет считать становление разряда собственно скандинавской инновацией, грамматические предпосылки которой сложились до появления рукописных памятников, но не ранее стабилизации порядка слов с помещением финитного глагола на второе место во фразе. Оценка данной инновации как общескандинавской либо ареальной во многом зависит от степени расхождений между древнескандинавскими диалектами в X–XII вв.; к сожалению, дошедшие до нас памятники не позволяют судить об этом с полной уверенностью. Более вероятно, что мы имеем дело с ареальной инновацией древнеисландского языка, или, с учетом минимальных различий между древнеисландским и древненорвежским в последующие столетия [Naugen 1984: 258–259], с особенностью западноскандинавского синтаксиса. В то же время не исключено, что разряд предикативов с гласной финалью сформировался раньше разряда с финалью *-t* и восходит к общескандинавской эпохе.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты свидетельствуют, что сходство славянского материала с германским не является полным. В то же время оно достаточно велико, чтобы требовать применения единых критериев описания. В обеих языковых семьях реализации неизменяемых признаков слов противопоставлены как глагольным высказываниям, так и высказываниям с предикативными формами прилагательных и существительных. Для второго противопоставления релевантно не отсутствие согласования само по себе, а контраст двух предикативных значений, – постоянного свойства предмета и переменного ситуативного признака.

Большинство предикативов является производными словами – в славянском ареале, по имеющимся описаниям, преобладают аффиксальные слова, в скандинавском – композиты. В этой связи цельноформленность предикативов может трактоваться как показатель регулярных преобразований, связывающих их с однокоренными глагольными и именными словами. Древнеисландские предикативы представляют локализованное во времени свойство ситуации как признак неагентивного субъекта: не сам субъект был каузатором состояния, но он фиксирует его и дает ему оценку. Тем самым, предикативы оказываются разрядом признаков форм, категориальным значением которых является выражение актуальных положений дел, квантифицируемых по субъекту. То же определение, вероятно, можно распространить и на значительную часть славянских форм, подводимых под КС, в частности на современные русские и на старославянские предикативы с финалью *-o*. Статус предикативов до известной степени отвечает понятию синтаксической деривации, выдвинутому Е. Куриловичем – последний (вне связи с проблематикой КС) предположил, что при образовании новой части речи от некоторой основы имеет место стадия, предшествующая образованию виртуального лексического знака. Так, франц. *hauteur*₂

"размер предмета по вертикали" образовано, по Куриловичу, не непосредственно от *haut* "высокий", а от *hauteur*₁ «свойство "быть высоким"»; тем самым выстраивается цепочка *X est haut* "X высок" → *hauteur*₁ (ситуативный признак) → *hauteur*₂ (термовый признак) [Курилович 1962: 63]. Специфика предикативов состоит в том, что деривация останавливается на стадии ситуативного признака, что внешне проявляется в дефектности цепочки. Проиллюстрируем это на примере образования др.-исл. композита *ráðfát* "X-у не хватило ума" (Kgs II, 222), синтаксический источник которого – фраза *oss bila ráðin* – содержится в том же абзаце памятника.

Рис. 1

Сходные отношения устанавливаются и при употреблении несогласуемых форм обычных прилагательных, но здесь, напротив, не всегда легко построить глагольное предложение, где были бы выражены все участники ситуации, обозначаемой предикативным словом.

Рис. 2

С уверенностью можно сказать, что отсутствие контрастных исследований нанесло урон как германистике, так и славистике. Уже сама лакуна в описании столь хорошо изученного индоевропейского языка как древнеисландский, со времен Р. Раска и Я. Гримма причисляемого к классическим языкам компаративиста, свидетельствует об отсутствии концептуального аппарата, позволявшего германистам объяснить отсутствие непредикативных коррелятов у ряда производных слов как явление закономерное. С другой стороны, незнание типологической параллели повлекло за собой серьезные изъяны в рассуждениях не только противников, но и сторонников гипотезы о КС. А ригористически признав материал русского языка уникальным, последователи Л.В. Щербы неправомерно связали становление разряда предикативов со специфической особенностью восточнославянских языков – развитием бессвязочного предложения, и тем самым закрыли себе дорогу в область типологии. Как представляется, негативную роль здесь сыграла предвзятая концепция связки как особой части речи, отстаиваемая самим Л.В. Щербой и его учениками [Виноградов 1947: 420, 675], [Исаченко 1955: 65]. Между тем, использование широкого круга глаголов в связочной функции свойственно не только древним германским, но и древним славянским языкам. Хотя для славянского ареала конструкция с КС и транзитивным глаголом менее характерна, в древнейших памятниках она не является редкостью: ср. ст.-слав. *вънѣждѣ обряштаахъ чоудесно а жтрыдѣ страшно* (Супр. 511, 21), "X ощутил, что произошло чудо", аналогично – *дръжимо чоудьно* (Супр. 511, 23), или древнерусские примеры из "Успенского сборника" – *шьдѣ же тоу аник посъланы н оувѣдѣ извѣстно о неи* (Усп. сб. 301 г. 21); *извѣсто разоумѣли ксте яко хѣа рава*

късь (Усп. сб. 70 б. 21); и да лица зръще и тѣлесе разоумѣкте извѣсто (Усп. сб. 232 б. 26–27); къльма ничто же недоужно творю (Усп. сб. 253 а. 1–2); того ради лише имеютъ (Усп. сб. 283 а. 12). Поскольку предикативы не имеют в старославянском и древнерусском особых финалей, внешне отличающих их от качественных наречий, – засвидетельствованы как предикативы на *-ѣ*, *-е*, так и наречия на *-о* [Георгиева 1969: 82, 86], ко всем подобным высказываниям применима идея А.М. Пешковского о том, что элементы составного сказуемого одновременно идентифицируют друг друга, "делаются – один связкой, а другой – присвязочным словом" [Пешковский 1938: 215]. Употребление слова на *-о*, *-ѣ*, специализированных в функции сказуемого, в этих условиях разумно использовать именно как критерий, обозначающий сферу сочетаний, имеющих в данную эпоху статус связочных. Обозначившаяся в славистике тенденция приписывать почти все случаи употребления несогласуемых предикативов в двусоставном предложении иноязычному влиянию и видеть в них кальки греческих или латинских фразеологизмов³⁴ во многом продиктована незнанием прецедента независимого возникновения конструкции $N_{nom}-V_{fin}-Pred$ в другой языковой семье. Впрочем самих славистов в этом винить трудно, поскольку соответствующие факты не получили должного освещения и у германистов. Между тем, история скандинавских языков побуждает предполагать, что статус фразеосхем, синтаксических клише, является не исходным, а скорее конечным пунктом развития данной конструкции.

История скандинавских языков не подтверждает мнения о том, что появление предикативов знаменует собой тенденцию к выделению новой части речи. Не оправдало себя и утверждение об особой тяге слов КС к безличному предложению. Дистрибуция предикативов зависят не от наличия формы имен. п. во фразе, а от того, где данный язык допускает связочные высказывания без согласования. Так, в древнешведском языке, где безличные высказывания непродуктивны, предикативы с финалью *-al-i* дольше сохраняются в двусоставных схемах, а в исландском языке, где односоставные схемы устойчивы, часть данных форм употребляется безлично. Наличие у предикативов валентности на придаточное или инфинитивный оборот тоже следует считать скорее специфическим свойством, нежели типологической константой: во всяком случае, в древнескандинавских памятниках, где сегментация текста на предложения не является жесткой, данные валентности остаются факультативными. Более важным представляется тот факт, что как в двусоставных, так и в односоставных схемах с предикативом обычно есть возможность ввести позицию субъекта–носителя признака.

Наиболее продуктивные разряды предикативов в обеих семьях строятся по типу словоформ имен. вин. п. ср.р. древней серии прилагательных (общеславянское **-o*, древнескандинавское **-i*). Признание особого класса именных слов, не выражающих категорию падежа и не занимающих места в актантной структуре предложения, помогает лучше разграничить связочные синтагмы с неизменяемым словом и синтагмы с глобально-объектной или субъектно-предикативной связью. Если для русской грамматической традиции данную трудность можно считать в целом преодоленной³⁵, то для германистов он издавна служит камнем преткновения. Так, например, М. Нюгор, автор наиболее подробного описания древнескандинавского синтаксиса, без каких-либо оговорок помещает сочетания переходных глаголов с предикативными словами на *-i* в рубрику "субстантивированное употребление прилагательных" [Nygaard 1906: 57–58], а М. Барнз, исследующий современный фарерский язык, полагает, что предикативы типа *stuttligt* "забавно", *rimiligt* "уместно играют в высказываниях вроде *at rimiligt hevði verit* "было бы уместно" роль номинативного подлежащего (sic!) [Barnes 1986: 42].

³⁴ Обсуждение аргументов за и против исконности конструкции типа *сравьно ксть грѣхъ* в славянских языках см., например, в [Ходова 1980: 270–279].

³⁵ Ср., тем не менее, колебания А.М. Пешковского при оценке статуса русских форм на *-о* [Пешковский 1938: 159–160, 325–328] и мнение А.Б. Шапиро, что конечное *-о* в словах типа *грустно*, *стыдно* выступает в безличной конструкции как "показатель родчисловой формы" [Шапиро 1955: 53].

История скандинавских языков свидетельствует о том, что благоприятные возможности для становления группировки предикативов возникают на рубеже письменной эпохи, когда появляются тексты достаточной сложности. В этот период конструкции с предикативом, наряду с инфинитивными и причастными оборотами, служат для рассказчиков средством компрессии текста. Возможно, сходными причинами объясняется появление предикативов в древних славянских языках, однако здесь нужно дополнительное исследование.

Складывается впечатление, что становление и эволюция предикативов (слов КС) является специальной, хотя и важной проблемой исторической грамматики. То обстоятельство, что концепция КС была выдвинута и обсуждалась в рамках классификации частей речи, обеспечило ей широкую известность, однако едва ли создало наилучшие условия для описания самих предикативных слов. Многие аргументы за и против признания КС особой частью речи были лишь передним планом разногласий по более общим вопросам грамматической теории: о границах слова, о механизмах словообразования, о таксономии предикатных значений, о разграничении компетенции словаря и грамматики. Исходная формулировка гипотезы Л. В. Щербы – "стремление русского языка иметь КС" [Щерба 1974: 91] была направлена на выявление структурных изменений в русской грамматике и потенциально носила типологический характер. Однако логика развития дискуссии привела к поиску "единой марки" гипотетической части речи, и в конечном итоге, к фетишизации фактов, способствовавших закреплению слов КС в русском языке – опущению связки "быть" и распространению дательного падежа субъекта. Между тем, специфические черты русских форм, подводимых под КС, было бы логично определять путем сопоставления с предикативами в других языках, а не на основе презумпции о том, что в русском языке они составляют особую часть речи, а в других языках – нет. Впрочем, убеждение, что правильная методология поможет закрыть все спорные проблемы, высказывалась за почти семидесятилетнюю историю обсуждения вопроса уже не раз.

ИСТОЧНИКИ*

Супр – Супрасльская рукопись XI в. СПб, 1904

Усп сб – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971

Edda – Die Lieder der Codex Regius nebst verwandte Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962

A – Austfirðingasögur Íslendingasögur Bd X Íslendingasagnaútgáfan Guðni Jónsson bjó til prentunar Reykjavík, 1953

Cod Ver – Codex Verelhanus

HS – Hrafn saga Sveinbjarnarsonar / Ed. by Guðrún P. Helgadóttir. Oxford, 1987

IF – Íslensk Fornrit Hið íslenska fornritafélag Reykjavík.

Isl – Íslendingasögur Reykjavík, 1987

Hkr I–III – Heimskringla Snorra Sturlusonar / Um prentun sá Páll Eggert Ólason Reykjavík, 1946–1948

Kgs – Konungasögur I–III Íslendingasagnaútgáfan Reykjavík

Kon Skug – Konungs skuggsjá. Speculum regale Magnús Már Larusson bjó til prentunar Reykjavík

L – Laxdæla saga Íslensk urvalsrit. 6. Njorður P. Njarðvík gaf út Reykjavík, 1978

M = Moðruvallabók, H = Hauksbók, F = Flateyjarbók (редакции "Саги о Названных Братьях", цит. по IF VI)

St – Sturlunga saga I–III Guðni Jónsson bjó til prentunar Íslendingasagnaútgáfan Reykjavík, 1981

Sv – Sverris saga Gustav Indrebø Sverris saga etter Cod. SM 327 4o / Utgjevi av Den Norske Historiske Kildeskriftkommission ved Gustav Indrebø Kristiania 1920

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю. Д. 1985 – Синтаксические признаки лексем // R.Ling 1985 № 2–3

Апресян Ю. Д. 1987 – Синтаксические признаки в модели языка // Вопросы кибернетики прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987

Арутюнова Н. Д. 1988 – Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988

* Арабская цифра указывает на страницу издания, римская – на номер тома

- Бенвенист Э 1974 – Общая лингвистика М, 1974
- Булыгина Т В 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов М, 1982
- Виноградов В В 1947 – Русский язык Грамматическое учение о слове М, Л, 1947
- Гард П 1985 – Русское *каково* // Новое в зарубежной лингвистике Вып XV 1985
- Георгиева В Л 1969 – Безличные предложения по материалам древнейших славянских памятников (особенно старославянских) // *Slavia* 1969 V 38.
- Гаджиева Н Э Иванчикова Е А 1955 – Дискуссия о частях речи / ВЯ 1955 № 1
- Золотова Г А 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса М, 1982
- Ильиши Б А 1948 – Современный английский язык М, 1948
- Ильиши Б А 1951 – О категории состояния в английском языке // Памяти академика Л В Щербы Л, 1951
- Исаченко А В 1955 – О возникновении и развитии "категории состояния" в славянских языках // ВЯ 1955 № 6
- Кацнельсон С Д 1949 – Историков-грамматические исследования I М, Л 1949
- Курилович Е 1962 Очерки по лингвистике М, 1962
- Красных В И 1993 – Русские глаголы и предикативы Словарь сочетаемости М 1993
- Маслов Ю С 1981 – Категория состояния в болгарском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы М 1981
- Пециловский А М 1938 – Русский синтаксис в научном освещении М 1938
- Падучева Е В 1996 – Семантические исследования Семантика времени и вида в русском языке Семантика нарратива М, 1996
- Поспелов Н С 1955 – В защиту категории состояния // ВЯ 1955 № 2
- Грамматика 1980 – Русская грамматика Т I М, 1982
- Селиверстова О Н 1982 – Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов М, 1982
- Смирницкая О А 1977 – Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков Категория глагола М, 1977
- Смирницкий А И 1959 – Морфология английского языка М, 1959
- Стеблин-Каменский М И 1954 – К вопросу о частях речи // Вестник ЛГУ 1954 № 6
- Стеблин-Каменский М И 1955 – Древнеисландский язык М, 1955
- Стеблин-Каменский М И 1984 – Мир саги Становление литературы Л, 1984
- Шапиро А Б 1955 – Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи // ВЯ 1955 № 2
- Щерба Л В 1974 – Языковая система и речевая деятельность М, Л, 1974
- Ходова К И 1980 – Простое предложение в старославянском языке М, 1980
- Циммерлинг А В 1996 – Семантика русских предикативов с финалью *-o* // The First International Conference on Formal Description of Slavic Languages Leipzig, 1996
- Циммерлинг А В 1997 – Субъект состояния и субъект оценки // Логический анализ языка Образ человека в зеркале языков и культур М, 1998 (в печати)
- Baetke W 1965 – *Worterbuch zur altnordischen Prosaliteratur* Berlin 1965 Bd 1 1968 Bd 2
- Водварссон Árm 1993– *Íslensk Orðabók* Reykjavík, 1993
- Barnes M P 1986 – Subject nominative and oblique case in Faroese // *Scripta Islandica* Islandska sálkskapets ársbok V 37 1986
- Comrie B 1976 – *Aspect* London New York Melbourne 1976
- Didriksen P 1976 – *Elementær Dansk Grammatik*. København 1976
- Fiðjónsson Jon 1982 – Un lýsningargátt nútíðar // *Íslenskt mál og Almenn Málfræði*, 1982 V 4
- Halldórsson Halldór 1950 – *Íslensk málfræði handa æðri skólum* Reykjavík, 1950
- Haugen E 1984 – *Die skandinavischen Sprachen* Hamburg, 1984
- Heusler A 1913 – *Altislandisches Elementarbuch* Heidelberg, 1913
- Lyons J 1977 – *Semantics*, V 1–2 Cambridge London, New York, Melbourne 1977 (repr 1978)
- Мионич А 1974 – Uwagi w kwestii pochodzenia predkatoryw // RS 1974 № 1
- Noieen A 1904 – *Altswedische Grammatik mit Einschluss der Altgutnischen* Halle, 1904
- Noreen A 1923 – *Altislandische und Altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre)* Halle, 1923
- Nygaard M 1906 – *Norrøn Syntax* Kristiana, 1906
- Pétursson Magnús 1981 – *Lehrbuch der islandischen Sprache* Hamburg, 1981
- Stigiðsson Halldór Armann 1991 – *Beygingarsamræmi* // *Íslenskt mál ok almenn málfræði* 1991 V 12–13
- Smuñickaja O 1972 – The impersonal sentence patterns in the Edda and in the Sagas / *Arkiv for Nordisk Filologi* 1972 № 87
- Vendler Z 1967 – *Linguistics in philosophy* Ithaca, 1967,
- Zatovkaňuk M 1965 – Neosobni predikativa a útvary přibuzné, zvláště v ruštine // *Rozpravy Československe akademie věd* 1965 Sešit 6 Ročník 75